

БЕЛЫЙ ТЕРРОР НА ЕНИСЕЕ

Шекшеев Александр Петрович,

*кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, член правления
Хакасская республиканская Ассоциация жертв политических репрессий (г. Абакан)*

Данная статья написана с целью выявления, объединения в единое целое и осмысления фактов террористических деяний, совершенных пришедшими к власти в мае 1918 года на территории Енисейской губернии антибольшевистскими силами. Обращение к фактическому материалу показывает, что сначала их карательная деятельность выражалась в почти бессудных единично-групповых жестоких расправах агрессивно настроенных чехословацких легионеров, русских офицеров и казаков над большевиками и красногвардейцами и не являлась организованной системой насилия. Однако с приходом к власти А. В. Колчака, распространившимся крестьянским повстанчеством и с использованием для его подавления армейских частей белый террор приобрел широкие и жестокие качества с некоторыми признаками государственного насилия. Введение военно-полевых судов, института заложников способствовало ликвидации белыми деятелей первой советской власти, большевистского подполья и участников крестьянского повстанчества. Но порой репрессии, осуществляемые по инициативе воинских начальников бесчинствующими солдатами и казаками, при поддержке самих крестьян, носили элементы анархии.

Ключевые слова: белые, большевики, власть, деревня, Енисейская губерния, заложники, красногвардейцы, красные партизаны, крестьянство, репрессии, террор.

WHITE TERROR ON THE YENISEI

Sheksheev Alexander Petrovich,

*Ph.D. in History, senior researcher, member of the Board
Khakass Republican Association of Victims of Political Repressions (Abakan).*

This article is written in order to identify, unite into a single whole and comprehend the facts of terrorist acts committed by anti-Bolshevik forces who came to power in May 1918 on the territory of the Yenisei province. The reference to the factual material shows that at first their punitive activities were expressed in almost unlimited single-group brutal reprisals of aggressively minded Czechoslovak legionnaires, Russian officers and Cossacks over the Bolsheviks and Red Guards and was not an organized system of violence. However, with the coming to power of A.V. Kolchak, the spread of peasant insurgency and the use of army units to suppress it, white terror acquired broad and brutal qualities with some signs of state violence. Introduction of military-field courts, the institution of hostages contributed to the elimination by the whites of the figures of the first Soviet government, the Bolshevik underground and participants in the peasant insurgency. But sometimes the repressions carried out on the initiative of military commanders by rampaging soldiers and Cossacks, with the support of the peasants themselves, carried elements of anarchy.

Keywords: whites, Bolsheviks, government, village, Yenisei province, hostages, Red Guards, red partisans, peasantry, repression, terror.

Составной частью и следствием гражданской войны, охватившей всю территорию России, явился террор, применяемый участниками для устрашения и уничтожения своего противника. Понятием «белый террор» называются расправы белозеленых, белогвардейцев и интервентов над большевиками, советскими деятелями, красногвардейцами и красными партизанами, а также поддерживающим их населением.

Торжествуя по поводу своей победы, скорбя по погибшим и выставляя своего противника в неприглядном виде, большевистская власть сразу же приступила к выявлению понесенных жертв. К примеру, захватив енисейское правобережье у Минусинска, красные партизаны публично заявили о четырех тысячах человек, замученных и расстрелянных на территории этого уезда¹. Уже в 1920 году советские органы определили, что репрессии белых охватили в Енисейской губернии 13858 крестьянских хозяйств из 358 селений 68 волостей и нанесли ей большие человеческие и материальные потери [1, с. 21].

Жестокость белых отмечалась в документах сражающихся сторон [2, 3] и была засвидетельствована очевидцем из лагеря интервенции, который счел, что она стала «богатейшей почвой» для развития в российском обществе большевизма [4, с. 238]. Но более всего карательные действия белого режима сохранились в памяти енисейской интеллигенции (Е. Е. Колосов, М. П. Миндаровский), бывших красных партизан (Я. С. Замураев, Г. М. Иванов, П. В. Кашуткин, П. Д. Кривоуцкий, А. Н. Лифантьев, М. Х. Перевалов, П. П. Петров, Г. Н. Попов, Т. И. Рагозин), советских и военных деятелей, обратившихся к написанию мемуаров (К. И. Гидлевский, М. С. Сафьянов, К. Е. Трегубенков, П. Е. Щетинкин, Г. Х. Эйхе, В. Б. Эльцин, В. Г. Яковенко), а также упоминались или анализировались местными советскими историками (Ю. В. Журов, В. К. Логвинов).

В советскую эпоху был подготовлен и опубликован целый ряд сборников воспоминаний бывших енисейских красногвардейцев, подпольщиков и партизан, которые рассказывали о жертвенности своих товарищей [5–10]. Свидетельствовали о ней же региональный энциклопедический словарь [11, с. 145] и

¹ Соха и молот (Минусинск). 1919. 22 сентября.

более современная научно-популярная литература, впервые заявившая о сомнительности итогов белогвардейских акций в этом регионе [12, с. 154].

Мировоззренческая трансформация социума позволила ученым более свободно и усиленно заняться темой террора и выявлением сути этого явления. К сравнительной характеристике белого и красного террора обратился А. Л. Литвин [13, 14], а к изучению его белой разновидности, проявленной, в частности, на территории Сибири, – П. А. Голуб [15]. Рассматривая психологию насильников, В. П. Булдаков объяснил, что в карательном буйстве белых отсутствовала организованная система и доминировала вакханалия анархии и вседозволенности [16, с. 236; 17, с. 6]. Другие историки решили, что белое движение, тяготея к авторитаризму и применению жестоких расправ, сочетало их с либеральным отношением к красным [18, 19]. Еще один автор предположил, что белый террор, который являлся по масштабам в несколько раз менее значительным по сравнению с красным, носил «точечную карательную» окраску и не был предназначен для ликвидации классов трудящихся [20, с. 77].

Террор был явлением, характерным для всех противников в гражданской войне, схожим по своим методам, одинаково пагубным для общества и отличавшимся только своей социальной направленностью, утверждал И. С. Ратьковский [21]. Репрессии белых, продолжал он, носили государственный характер с соответствующей законодательной базой, собственноручными приказами руководителей белого режима, например, о подавлении партизанского движения на востоке страны [22, с. 321].

Заявив о сильном завышении численности жертв белогвардейщины в советских трудах и критикуя публикации современных «левонастроенных» исследователей [21, 23] за утверждение террористической сути белой власти, историк А. Г. Тепляков сделал вывод, что её расправы не носили характера социальных чисток и способа управления. По его мнению, они определялись военной целесообразностью, желанием ликвидировать носителей «красной заразы», уголовными инстинктами и выражались в расстрелах заложников и деятельности полевых судов, армейских и пр. частей [24, с. 6–8; 25, с. 59–70].

Между тем наблюдаемый в обществе рост симпатий к советскому прошлому стал сопровождаться признанием Октября прогрессивным действием, подхваченным широкими народными массами, белых расправ – антибольшевистской диктатурой, предшествовавшей красному террору, и неприятием любых фактов, не укладывавшихся в эту концепцию. Очередным явилось возвращение к публикации воспоминаний бывших «борцов» за советскую власть и очевидцев белого террора [26, 27, 28]. Представляя взгляд на гражданскую войну лишь с одной стороны, их составители зачастую продолжают множить бахвальство «победителей» и обвинения белогвардейцев в сплошном зверстве. Сами, например, бывшие партизаны критически воспринимали воспоминания своих товарищей и требовали от них достоверности изложения событий [29, с. 16–18]. Будучи участниками масштабных и судьбоносных для страны военно-политических свершений, авторы мемуаров насыщали их субъективизмом, который исходил из «эйфории победителей, усиленной идеологизацией и политизацией». Очевидная тенденциозность воспоминаний определяется тем, что они были написаны, как заметил один из историков, по определенным «лекалам», которые открывали простор «героическому» мифотворчеству [30, с. 28]. Подтверждая события, изложенные в документах, передавая «дух эпохи» и дополняя поведение противных сторон новыми фактами и психологическими нюансами, рассказы участников о пережитом являются сильным подспорьем в раскрытии темы, но только с «погружением» в систему всего комплекса документов [31, с. 297].

Еще одним источником для исследования стали собранные и опубликованные современным энтузиастом на сайте документы одного из фондов Государственного архива Красноярского края. Представляя переписку властных органов Канского уезда по поводу крестьянских «противозаконных действий» [32], они создают реальную картину событий, имевших место на его территории в 1919 году.

Исходя из содержания названной литературы, можно утверждать, что в более ранних и современных публикациях разбросано множество описаний репрессивной деятельности белых, которые требуют обобщения в качестве единого целого и его осмысления как политического явления.

Основным событием, с которого начались вооруженные и массовые столкновения гражданской войны в Сибири, явилось антисоветское выступление чехословацких легионеров. При этом, совершив занятие в ночь на 29 мая 1918 года города Канска, они по распоряжению начальника штаба 2-й чехословацкой стрелковой дивизии подполковника Б. Ф. Ушакова отпустили плененных красногвардейцев. Лишь захваченный в бою начальник конной разведки М. Шумяцкий (отчество неизвестно) подвергся публичной казни [33, с. 78; 34, с. 308]. После закончившегося перемирия чехи утром 16 июня подошли к станции Клюквенная и в начавшемся бою разбили советские войска, взяв в плен до 300 человек. На этот раз выявленные и ненавистные со времен германской войны немцы и мадьяры численностью в 80 лиц, левый эсер Борисоглебский и еще несколько местных деятелей чехами были расстреляны. Судьбу остальных пленных решал все тот же Ушаков. Большинство из них оказалось красноярскими рабочими, которые на допросах, возможно, для облегчения своей участи, свидетельствовали, что вступили в красногвардейские отряды вынужденно, так как большевики

угрожали лишить их работы и даже расстрелять. Сдавшиеся на Клюквенском фронте 1,7 тысячи красногвардейцев были доставлены противником в губернский центр [35, с. 210–211; 28, с. 243, 414] ².

Первая же стычка противных сторон в Мариинске закончилась пленением многих красногвардейцев, которыми были переполнены тюрьма, казенный винный склад и некоторые здания³. В начавшемся в ночь на 16 июня 1918 года наступлении чехи захватили до 500 – 600 красногвардейцев⁴. Тут же они без суда и следствия расстреляли стойко сражавшихся 40 – 50 мадьяр. Разбитые на Мариинском фронте и бежавшие к Красноярску, остатки красных были вынуждены повернуть в сторону города Ачинска, где 20 июня 475 человек сдались в плен⁵. При этом только один из них – большевик и член Боготольского совдепа М. Т. Еременко – был расстрелян [36, с. 121], а остальные стали узниками Омского концентрационного лагеря.

Убийства захваченных советских деятелей и красногвардейцев больше осуществляли бывшие офицеры, городские обыватели и деревенские кулаки. Они мотивировались ненавистью, которую питали униженные в советское время лица к наиболее активным, сознательным или известным своей жестокостью и алчностью бывшим красным властителям. 18 июня 1918 года при захвате легионерами города Ачинска им сдался отряд в 80 штыков, находившийся под командованием Е. К. Зверева. На следующий день его, пытавшегося эвакуировать документы и ценности совета, убил местный «мальчишка», а вошедшие в город белые оставили на трупе 31 штыковую рану. Организовав погоню за членами Ачинского совдепа, увозившими казну, новые власти задержали 21 красногвардейца и отобрали у них часть денег⁶. Дружина Подсосенской волости, устроившая охоту за красногвардейцами и советскими активистами, выловила 50 человек. От рук этих или подобных им лиц мученическую смерть принял бежавший председатель уездного совдепа П. О. Саросек. Балахтинские крестьяне выследили и расправились с группой большевиков на Юдинском винокуренном заводе.

По-прежнему случаи массового террора происходили по инициативе отдельных представителей антибольшевистского лагеря. Так, 25 или 26 июня поручик Лобанов, начальствуя над караулом, перевозящим из Ачинска в красноярскую тюрьму 27 арестованных членов совета и активистов, организовал на станции Чернореченская расстрел якобы пытавшихся бежать 10–12 человек⁷.

В Минусинском уезде местные кулаки, обозленные продовольственными заготовками, проводимыми по инициативе губернских властей, и изъятием контрибуции у казаков, устроили в селе Большая Иня самосуд со смертельным исходом над односельчанином, председателем солдатской секции уездного совдепа и большевиком Т. А. Шаповаловым [28, с. 136, 157; 37, с. 509–510]⁸. Когда же в село Шалаболино стали стекаться казаки и офицеры, решившие выступить против минусинских большевиков, то они сразу же арестовали и казнили, по разным данным, от четырех до 12 местных большевиков⁹. В окруженный дружинниками Минусинск для запугивания делегатов проходившего уездного съезда был доставлен труп убитого советского деятеля и комиссара Алтайской экономики Ф. А. Герасимова.

С переходом уездных городов Енисейской губернии под власть Временного Сибирского правительства начались аресты советских руководителей и активистов. В ачинскую тюрьму были посажены десятки человек. Позднее были расстреляны 44 деятеля советской власти. Многие из них и среди них бывший председатель отдела совдепа по городским делам В. Н. Слободчиков, член его военного отдела и венгерский интернационалист Ф. Киш и др. приняли смерть в качестве заложников [28, с. 440–442].

Начиная с 24 июня казаками и дружинниками стали задерживаться и заключаться в тюрьму минусинские советские деятели и красногвардейцы. Сразу же были арестованы большевики А. И. Плотников и Н. П. Непомнящий. Вскоре их судьбу разделили члены совдепа К. И. Адосинская, Н. Ф. Безматерных, И. С. Бузулаев, Г. Ф. Волков, К. И. Гидлевский, З. Е. Гущик, Е. П. Катаев, Г. В. Лебедев, К. А. Липинская, И. Г. и М. Г. Сафьяновы, К. Е. Трегубенков, Е. Л. Фаерман, 16 служащих совета и 75 красногвардейцев¹⁰. Их делами занялась специально созданная следственная комиссия. В с. Иудино местные кулаки арестовали редактора газеты «Известия» М. А. Баринову, которая потом умерла в красноярской тюрьме. Из Таштыпа в Минусинск казаки доставили запугиваемого расстрелом и специально покалеченного председателя станичного совета К. Н. Потанина, а также бывшего прапорщика, не признавшего новой власти, и учителя, агитировавшего крестьян выступать против неё¹¹.

² Государственный архив Красноярского края (ГА КК). Ф. П–64. Оп. 1. Д. 448. Л. 48–51, 64–65.

³ Сибирская жизнь (Томск). 1918. 20 июня.

⁴ Там же. 21 июня; Воля Сибири (Красноярск). 1918. 2 июня.

⁵ ГА КК. Ф. П–64. Оп. 1. Д. 448. Л. 36, 40.

⁶ Сибирская жизнь. 1918. 23 июня.

⁷ Соха и молот. 1919. 26 сентября.

⁸ Фонды КГБУК «Красноярский краевой краеведческий музей» (ФКККМ). О/ф 12005/3. Д. 9688. Л. 3–7.

⁹ Муниципальное казенное учреждение «Архив г. Минусинска» (МКУ «АГМ»). Ф. Р–4. Оп. 1. Д. 1. Л. 502; Д. 3. Л. 59.

¹⁰ Труд (Минусинск). 1918. 5, 14, 18 июля.

¹¹ Фонды Минусинского регионального краеведческого музея им. Н. М. Мартянова (ФМКМ). Оп. 4. Д. 5. Л. 42; Власть труда (Минусинск). 1923. 7 ноября.

Содержание арестованных советских деятелей в местной тюрьме оказалось опасным для их жизни. Выстрелом одного из караульных был убит член совета и комиссар Батеневской экономии Харлашин (имя и отчество неизвестны). Власти осудили такую стрельбу, а 16, 20 и 30 июля отправили в Красноярск и Ачинск около 50 заключенных. При этом аресты бывших членов совета продолжались¹².

Советская власть агонизировала и в Красноярске. 18 июня 1918 года сопровождаемые красногвардейским отрядом около 250 местных руководителей и большевиков, загрузив более десятка суден изъятыми из государственного банка золотыми и денежными запасами, продовольствием и имуществом, отбыли вниз по Енисею. 20 июня чешские и добровольческие войска заняли Красноярск. Специальным поездом сюда прибыли министр юстиции Г. Б. Патушинский и уполномоченный Западно-Сибирского комиссариата Н. В. Фомин. Военные власти отправили за беглецами отряд подполковника М. И. Мальчевского. Его флотилия настигла их в районе села Монастырского. Потеряв в бою 20 человек убитыми и пятерых ранеными, около 100 большевиков и красногвардейцев сдались в плен¹³. Оставленный для розыска разбежавшихся, отряд капитана Черемнова вскоре захватил еще 38 человек и среди них – бывшего командующего советскими войсками в губернии Т. П. Марковского, члена ЦИК Советов Сибири А. П. Лебедеву, инженера и члена совдепа С. Б. Печерского и др. В целом из Туруханска были вывезены более 200 захваченных членов советской «экспедиции», в Енисейске к ним добавили, арестовав, около 50 местных большевиков¹⁴.

Бежавшие некоторые бывшие советские работники задерживались местными жителями и под конвоем возвращались в Красноярск. Так, в деревне Сосновка Ачинского уезда по инициативе крестьян был арестован в прошлом председатель Временной чрезвычайной комиссии при Военно-революционном штабе (ВРШ) Енисейского губернского исполкома Г. И. Пекарж. С августа 1918 года он содержался в красноярской тюрьме. Туда же доставили с найденными деньгами покинувшего в срочном порядке Енисейск бывшего руководителя его совдепа С. М. Иоффе, обнаруженного 17 июля в деревне Мокруши¹⁵.

26 июля 1918 года в Красноярске встречали флотилию из пяти пароходов, двух лихтеров и катера, доставивших отряд Мальчевского и 237–238 арестантов¹⁶. Встречавшее их общество было настроено к ним настолько враждебно, что, как отметил его представитель, выражало надежду, «что петля, ждущая... мерзавцев, наконец... задавит... эту дрянью» [38, с. 179]. Поэтому неудивительно, что, когда следующей ночью началась выгрузка пленных, то конвой, состоявший из казаков во главе с сотником И. Д. Фереферовым, офицеров–добровольцев и чехов, не справился со своими обязанностями и даже участвовал в массовом избииении перегоняемых в тюрьму людей. При перекличке не оказалось пяти человек. Утром гражданские лица обнаружила тела замученных и вскоре скончавшихся Марковского, Лебедевой и Печерского. До «полусмерти» оказался избитым бывший красногвардейский командир А. Загородный (отчество неизвестно). Многие из новых заключенных получили тяжелые побои. С жалобами на состояние здоровья в тюремную больницу обратились 40 человек¹⁷. 29 июля в Красноярск были доставлены Г. С. Вейнбаум и В. Н. Яковлев, а в целом еще 36 большевиков¹⁸.

Расправа над известными советскими деятелями вызвала возмущение общественности Красноярска. Протесты выразили городская дума, совет профсоюзов и представители социалистических партий. Они сообщили о ней комиссариату Временного Сибирского правительства и потребовали расследования и предания суду виновных¹⁹. Но вскоре стало известно, что отправленная на фронт 1-я сотня Енисейского казачьего полка во главе с подьесаулом Фереферовым, действуя на восточном берегу Байкала, участвовала в разгроме красных. При этом мученически принял смерть подполковник Ушаков. В отместку чехи «поставили под пулемет» целую партию военнопленных [39, с. 235, 237]. В обстановке торжественных похорон своего героя общественности стало не до выяснения обстоятельств гибели видных большевиков.

Отношение новой власти к бывшему противнику сначала не имело для него серьезных последствий. Еще 27 июня из красноярской тюрьмы были освобождены 16 лиц, арестованных во время переворота, а до конца августа по распоряжению следственной комиссии – 13 бывших советских «беглецов»²⁰. На местах власти отказывались от преследования рядовых членов Красной гвардии. К примеру, созданная в Минусинске следственная комиссия передала в распоряжение военных властей 63 и освободила 211 красногвардейцев. Объявленная регистрация их на станции Клюквенная закончилась направлением лиц, ранее служивших в правительственных войсках и перебежавших к большевикам, в свои части, а пр. –

¹² Труд. 1918. 17, 18, 27 июля, 1, 7, 8 августа; ФККМ. О/ф 6023/1. Д. 3815. Л. 53.

¹³ Свободная Сибирь (Красноярск). 1918. 17 июля.

¹⁴ Труд. 1918. 1 сентября; ГА КК. Ф. П–64. Оп. 1. Д. 739. Л. 9.

¹⁵ Свободная Сибирь. 1918. 31 июля.

¹⁶ Там же. 28 июля.

¹⁷ Там же. 28, 30, 31 июля; Воля Сибири. 1918. 27, 30, 31 июля.

¹⁸ Свободная Сибирь. 1918. 1 августа.

¹⁹ Дело рабочего (Красноярск). 1918. 1 августа; Знамя труда (Красноярск). 1918. 26 августа.

²⁰ Свободная Сибирь. 1918. 29 июня, 31 августа.

отправкой по домам. В Красноярске 750 бывших красногвардейцев, пройдя фильтрацию, пополнили формирующиеся воинские части Сибирской армии²¹.

Большинство красногвардейцев, разбежавшись, скрылось или вернулось домой, где судьбу их решало крестьянство в соответствии с общинными традициями. Так, красногвардеец и делегат уездного съезда из деревни Васильевка Д. В. Романов, агитировавший крестьян отказаться от похода на Минусинск, был ими избит и вскоре скончался. Вернувшиеся в село Усть-Абаканское, бывшие красногвардейцы подверглись суду общественности. Они обвинялись в расхищении имущества акционерного общества «Ачминдор», продуктов в кооперации, в изъятии денежных средств и продовольствия у жителей окрестных улусов, а также в осуществлении обысков и арестов неугодных им жителей самого села. Некоторые из них были уличены в самогоноварении и воровстве, др. – в погромной агитации и организации самовольной распродажи товаров из лавок местных купцов. Крестьяне постановили 14 наиболее активных бывших красногвардейцев передать минусинским властям, а десятерых – выселить за пределы села²².

Напротив, на Знаменском заводе, куда после переворота для ареста 50 сторонников советской власти прибыли отряды чехов и милиционеров, «подпольным комитетом» были организованы переговоры, а рабочие по заводскому гудку оставили работу. Не ожидавшая такой организованности, администрация, потребовав массового ручательства, отпустила арестованных [28, с. 297–298].

Реагируя на сообщения местных жителей о скрывавшихся защитниках советов, минусинские власти задержали в прошлом одного из начальников Красной гвардии Ф. Крамаренко, а в селе Абаканском – бежавшего незадолго до переворота на собственную пасеку Е. Глухих (отчество неизвестно)²³. В августе 1918 года по инициативе кулаков села Контюрка якобы за участие в большевистской подпольной организации были схвачены крестьянин–середняк и начальник почтового отделения [27, с. 472]. Но чаще всего меры в отношении бывших красногвардейцев приобретали жесткий характер лишь тогда, когда они совершали новые преступления. К расстрелу, например, был приговорен И. Ермаков (отчество неизвестно), изнасиловавший и убивший арестованную им девицу²⁴.

В августе 1918 года начался процесс объединения антибольшевистских сил и создания органов милиции при Министерстве внутренних дел (МВД) и контрразведки, подчиненной военному ведомству. Организация местных контрразведывательных отделов (КРО) не встретила понимания общественности, стремившейся к отказу от «преследования за политические убеждения». Однако эскалация вооруженного конфликта, отягощенного идеологическим противостоянием, вынуждала правительство пойти на формирование военного контроля [40].

Юридически власть в Сибири все еще не была способна серьезно наказывать своих противников. В начале сентября 15–16 комиссарам Красноярского совдепа, в том числе арестованным в Барнауле организаторам вывоза банковских ценностей – В. П. Демидову, М. П. Замощину, Э. Я. Шульцу и др., – было предъявлено обвинение в «разбое», каравшее лишь четырьмя – шестью годами каторги²⁵. Только 14 сентября 1918 года Административный совет Временного Сибирского правительства восстановил смертную казнь, но по обвинению за военную и государственную измену, участие в восстании и за подстрекательство к нему. 21 сентября МВД призвало губернских комиссаров к недопущению «ничем не оправданной» гуманности в отношении большевиков [41, с. 410]²⁶.

Согласно воспоминаниям очевидца, власти в Красноярске задумывали проведение судебного процесса над «членами, именовавшими себя Соединенным исполнительным комитетом Совета рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов», участниками которого должны стать 328 заключенных тюрьмы. Им инкриминировались силовой захват власти, военные действия, подрывы железнодорожных мостов, незаконное изъятие золота и денежных средств в госбанке [28, с. 277]. Но на допросе 23 августа в Красноярском окружном суде, например, Г. С. Вейнбаум свою вину в этих событиях не признал [37, с. 336].

Некоторое напряжение в деятельности новой власти возникало в связи с созданием большевистского подполья, которое возглавил польский интернационалист В. Ф. Матушевский. Кроме красноярского комитета, состоявшего из Т. П. Исаева, П. Г. Канцелярского, П. Ф. Москалева, Н. В. Попова и П. Ф. Рухлова, существовали подпольщики в Ачинске, Канске, Боготоле и др. местах. Целью их деятельности было, как сформулировал приехавший в Красноярск руководитель Сибирского большевистского подполья Ф. Суховерхов (отчество неизвестно), разжигание антиправительственного восстания. В сентябре 1918 года по доносу внедренного в организацию провокатора В. Ф. Матушевский и работник подпольной типографии были схвачены сотрудниками военного контроля и чешской контрразведки. После допросов они были убиты [28, с. 276].

²¹ Минусинский край (Минусинск). 1918. 1 августа; Сибирская жизнь. 1918. 11 августа.

²² Сибирская жизнь. 1918. 5, 7 июля; ГА КК. Ф. Р-448. Оп. 2. Д. 5. Л. 79–80; МКУ «АГМ». Ф. Р-53. Оп. 2. Д. 2. Л. 14–15, 17.

²³ Труд. 1918. 13 августа, 16 ноября.

²⁴ Свободная Сибирь. 1919. 22 января.

²⁵ Труд. 1918. 11 сентября; Свободная Сибирь. 1918. 17 августа, 14 сентября.

²⁶ ГА КК. Ф. П-64. Оп. 11. Д. 8. Л. 14.

Вследствие создавшейся обстановки окружной прокурор, а следом и военный министр не были намерены санкционировать передачу бывших советских деятелей, способных дать дополнительные и широкие показания, для решения их судьбы в союзнические судебные инстанции. Однако из-за нахождения в Сибири чехословацкого корпуса влияние его офицеров в этом вопросе было существенным. Заявив, что он «имеет полномочия взять [заключенных] силой», действующий по личному указанию будущего командующего Сибирской армией Р. Гайды, командир 1-й маршевой роты 8-го Силезского стрелкового полка подпоручик Б. Борецкий настоял на выдаче комендантом губернской тюрьмы видных в прошлом большевистских и советских деятелей сибирского и губернского масштаба И. И. Белопольского, Г. С. Вейнбаума, Я. Ф. Дубровинского, В. Н. Яковлева, инженера и комиссара железной дороги А. Ф. Порадовского (или Парадовского). Доставленные в чрезвычайный военно-полевой суд, заседавший в чехословацком эшелоне на станции Красноярск и состоявший из шести членов, они заслушали обвинения в нарушении договоренностей между чехами и советскими органами об их беспрепятственном следовании на восток, в покушении на безопасность и имущество чехословацких войск. Кроме того, признавший на следствии ошибочность своего перехода к большевикам Дубровинский обвинялся в создании для борьбы с чехами особого отряда, действовавшего на Ключевском фронте, а Порадовский – в разрушении железнодорожного сообщения. Утром 25 октября они были приговорены к расстрелу и через час казнены [28, с. 282]²⁷.

Суд и приговор, выполненные чехами, не оставили равнодушными красноярскую общественность. 2 ноября 1918 года она в лице председателя уездной земской управы, члена Сибирской областной думы и представителя профсоюзной организации, обратилась за выяснением правомерности применения казни к названным большевикам в аппарат управляющего Совета министров. Данные лица, полагая, что использование до издания закона о смертной казни военно-полевых судов отрицательно скажется на авторитете власти, просили о приостановке этого решения. Это обращение было направлено председателю Совмина П. В. Вологодскому и военному министру генерал-майору П. П. Иванову-Ринову. Первый из них заявил о правомерности этой казни, а др. – опротестовал применение военно-полевых судов [36, с. 102–104].

Дальнейшее пребывание советских деятелей в красноярской тюрьме характеризовалось жесткими условиями. Охрану внутри несли надзиратели, снаружи – чехи. Камеры были переполненными, питание – «ниже среднего», а прогулки недолгими. Заключенные имели возможность читать литературу, газеты, а некоторые работали в тюремном дворе. Приезжали отряды, которые организовывали избиения заключенных и вывозили их на заседания в военно-полевые суды. На первом из них из девяти обвиняемых пятеро были приговорены к расстрелу, трое – к вечной каторге, а один – оправдан. На втором – к казни были осуждены шестеро подсудимых²⁸.

Вскоре заключенные пополнились арестованными красноярскими большевиками. В ночь на 11 ноября по указке провокатора на явочной квартире в Николаевской слободе милицией были арестованы семеро подпольщиков, в том числе П. Г. Канцелярский и Н. В. Попов, а один из них (Р. Петерсон) погиб. Но после прошедшей 22–23 ноября 1918 года в городе Томске II Сибирской партийной конференции, которая высказалась за организацию местных вооруженных выступлений, подполье активизировалось. В декабре 1918 года при помощи сибирских большевиков в Красноярске был создан второй подпольный большевистский комитет, состоявший из А. В. Байкова, И. Верещагина (отчество неизвестно), А. И. Гуна, И. Кристовской (отчество неизвестно), Ф. Я. Леймана и Н. Х. Молчанова, которые впоследствии стали еще одной жертвой белого террора²⁹ [28, с. 277].

Несмотря на данные расправы, власть в Сибири все еще не была способна серьезно наказывать своих противников и владеть ситуацией в деревне, что затем, по мнению одного из исследователей, вызвало случаи бессудных расправ над лицами, подозреваемыми в большевизме [42, с. 5]. В этих условиях бывшие деятели первой советской власти и красногвардейцы, скрывшись в глухих местах, становились инициаторами повстанческого движения.

Слабость воцарившейся власти, проявленная, например, в мобилизационных, налоговых и пр. делах, была столь очевидной, что она провоцировала крестьянские бунты. Так, в октябре 1918 года появился небольшой повстанческий отряд на переселенческих участках Уярской волости Канского уезда. Посылая небольшие милицейские отряды, например, есаула Трофимова, прапорщика Баженова и Валькова, власти пытались успокоить население. Но тут же начиналось брожение среди населения др. местностей.

Став мятежником, крестьянин не мог рассчитывать на статус военнопленного, его деятельность подпадала под действие уголовного законодательства и наказывалась, исходя из законов военного времени.

²⁷ Там же. Ф. Р–1763. Оп. 1. Д. 65. Л. 139–140.

²⁸ Там же. Ф. Р–1743 с. Оп. 1. Д. 243. Л. 1.

²⁹ ФКККМ. В/ф 3403-2. Л. 21.

Первыми белый террор ощутили недовольные политикой местных властей участники восстания в Минусинском уезде. Подвергшись разгрому правительственными войсками и разбежавшись, мятежники вылавливались посланными в деревню отрядами, выдавались крестьянскими сходами. 24 ноября 1918 года в селе Дубенское были расстреляны шестеро повстанцев. Сожжению подверглись 16 домов, при этом погибли женщины и дети. Из этого села каратели вывезли в Минусинск 30 человек, из которых 10 были казнены. Под Коей были захвачены 19 повстанцев, большинство из них подверглось расстрелу. Посетив деревню Николаевку, казаки, обозленные отношениями с её жителями, расстреляли 14 человек. За убийство каратузского атамана П. Т. Шошина и его сотоварищей белыми было казнено более 80 их односельчан, захваченных в районе села Городок, а в самом Каратузе - еще 14 человек. Согласно воспоминаниям современников, в селе Верхний Суэтук убитыми оказались 24, Нижней Буланке - 19, Еловке - 18 и в Уджее - 12 жителей.

В некоторых местностях расстрелы, совершаемые во время рейда по доносам завистников, например, в селе Дубенском, на Даниловском заводе и в Табате, охватили настолько большое количество крестьян, что военное командование их запретило. Тогда казаки перешли к поркам жителей и беспощадному избиению арестованных повстанческих вожаков.

Людей, доставляемых в Минусинск, было так много, что ими были заняты не только тюремные камеры, но и все подвальные помещения крупных городских зданий. Созданный военно-полевой суд до конца 1918 года приговорил к смертной казни 22 подсудимых, а на 12 февраля 1919 года вынес 195 приговоров, в том числе 87 смертных и 59 - к каторге. Некоторые арестованные, используя взятки, внесенные родственниками, и побег, случалось, спасали себе жизнь. В начале 1919 года военносудебная комиссия ежедневно освобождала по несколько десятков лиц, арестованных по личным счетам. Одновременно вплоть до лета осужденные ночами выводились партиями, насчитывавшими пять-восемь и даже 25 лиц, на расстрел. «У тюремной стены, – рассказывал очевидец, – была вырыта огромная яма, покрытая плахами как решёткой. На эти плахи выводили арестованных и расстреливали. Убитый валился прямо в яму. Иногда жалея патроны, людей убивали как скот – колотушкой...». Совершившие 21 марта неудачный побег и отбивавшиеся от надзирателей, семеро смертников были расстреляны прямо в камере и дорублены во дворе тюрьмы.

Во время этих событий погибло 1,2 – 1,5 тысячи минусинских крестьян. Оставшиеся живыми, арестованные участники мятежа были отправлены в Красноярск. Но вскоре нахождение правительственных войск, которые мародерствовали и безобразничали, стало для местных властей головной болью. Учитывая, что в беспорядках участвовали большие массы крестьян, командование 4-го Восточно-Сибирского армейского корпуса распорядилось использовать при их наказании штрафные санкции. При этом вылавливание и аресты бывших повстанцев в Минусинском уезде продолжались даже летом 1919 года [43].

В декабре 1918 года советская власть была провозглашена в Степно-Баджейской и Кийской волостях Красноярского уезда. Посланные в эти районы отряды штабс-капитанов Сченсновича и Тагунова попали в засаду и отступили. На севере Канского уезда восстали крестьяне Тасеевской и Фаначетской и на юге – Перовской и Рыбинской волостей.

Белые не сразу решились применять жестокие меры. Так, в приказе от 19 декабря 1918 года начальник находившегося в Канске Енисейского отряда особого назначения (ОН) МВД полковник Петухов (имя и отчество неизвестны) потребовал от подчиненных, «проходя селения, собирать сходы, требовать выдачи главарей, дезертиров и уклоняющихся от призыва, выдачи оружия, патронов, снаряжения и обмундирования. Прибегать к обыскам, офицерам наблюдать, чтобы частное имущество жителей оставалось неприкосновенным». Но ниже он же приказывал облагать штрафом селения, признавшие советскую власть, а главарей и вооруженных лиц – расстреливать [2, с. 50].

Следуя этому приказу, правительственные силы 23 декабря приступили к зачистке района, прилегавшего к железнодорожной станции Камарчага, население которого активно противодействовало движению поездов по Сибирской магистрали. Против партизанских «фронтов» на севере Канского уезда был выдвинут отряд капитана А. Збероевского. Более жесткая информация Петухова заключалась в обязательном постановлении от 26 декабря: сообщив, что прибывшие войска предназначены для водворения порядка и наказания виновных, он предложил восставшим сдать оружие и выдать главарей, а населению – исправно платить подати. Лицам, захваченным с оружием, он угрожал военно-полевым судом и расстрелом³⁰.

Между тем в ночь на 27 декабря в городе Канске взбунтовались собранные из дезертиров солдаты 32-го Сибирского стрелкового полка и рабочие станции Иланская. Направлявшийся в мятежные волости Енисейский отряд был повернут на Канск. К утру 28-го он ликвидировал это выступление. Захваченные участники мятежа на станции выдали его зачинщиков, которые численностью в 16 человек были казнены. Из-за вмешательства начальника депо 30 рабочих подверглись только порке, но более 70 человек, которых вывезли в Канск, оказались расстрелянными [9, с. 108; 44]. По приговору военно-полевого суда в городе были казнены 29 и на станции – еще шесть повстанцев.

³⁰ ГА КК. Ф. П-64. Оп. 11. Д. 4. Л. 3.

Но восстание распространилось на ближние и дальние местности от уездного города. В ночь на 28 декабря оно вспыхнуло в селе Рыбинском. В соседнем селе Большие Ключи с приездом агитаторов началось разоружение дружинников. Но к 30 декабря прибывший из Красноярска отряд поручика Смирнова занял село Рыбинское и расстрелял 30 человек. 1–2 января посланные из Канска 30 казаков заняли села Большая Уря и Большие Ключи. Арестовав не успевших скрыться крестьян Д. Н., Х. Д. Красновых и В. Ф. Большакова, они 3 января повезли их в Рыбинское и по дороге казнили. Накануне в мятежную деревню Погореловку Уярской волости вошел отряд войскового старшины И. Н. Красильникова, который, собрав с жителей контрибуцию, казнил пятерых членов ВРШ, а затем – более десятка мужиков, не имевших понятия о «большевизме».

Подавив выступление в Канске, отряд Петухова в начале января 1919 года повел наступление к югу от железной дороги. Захватив деревню Николаевку, белые повесили двоих и расстреляли 20 бунтовщиков. Затем военно-полевой суд приговорил к расстрелу еще трех крестьян села Рыбинского, которые грабили односельчан и оказывали содействие мятежникам [2, с. 38–39; 21; 45, с. 40]³¹. Но с выходом на село Перово правительственные войска встретили партизанское сопротивление. Ожидая прибытия артиллерии и повесив захваченных мародеров, среди которых находился председатель Нойского совета, они оставили Перово и отступили на деревню Николаевку. В свою очередь, партизаны 5 января отошли на Вершино-Рыбное и к Степному Баджею.

5–6 января 1919 года новый начальник отряда ОН генерал-майор С. И. Афанасьев, сосредоточив под своим командованием около 2 тысяч штыков и сабель с шестью орудиями, потребовал от своих подчиненных активных действий. Двинувшись из Канска, они 10–12 января заняли села Агинское, Кияй, Верхне-Рыбинское, Христово-Рождественское и Толлоп. Согласно наблюдениям гражданских властей, их жители относились к начальствующим лицам и солдатам доброжелательно и предоставляли подводы, продовольствие и фураж по первому требованию [2, с. 57–59; 32].

15 января отряд капитана А. В. Мартына вошел в село Курай, деревни Денисово и Кондратьево, а 16-го – в село Шеломки. Судя по донесению командира, солдаты его отряда, останавливаясь в селениях, вылавливали «агитаторов, главарей, фамилии коих были известны еще в Канске, ... а местное население, видя сильный отряд, оказывало посильную помощь, включительно до ареста большевистских деятелей ...» [2, с. 106]. Сход более 50 денисовских крестьян, собравшись 19 января, постановил подчиниться настоящему правительству и преследовать бежавших к партизанам земляков. В рапорте от 20-го помощник управляющего Канским уездом В. П. Ламанский³² сообщал своему начальству, что перепуганное население успокаивается и становится резко враждебным к «кучке красных, нарушивших порядок и спокойствие обывателей». В селе Шеломки, продолжал он, за обнаружение оружия и антиправительственную агитацию были расстреляны пятеро человек и отобрано имущество у беглецов. Но общества из окрестных деревень доставили новой администрации приговоры, в которых заверяли её об отсутствии у них «большевиков», за что «ручались своими головами».

Прибыв на следующий день вместе с военными в село Бакчет, чиновник отметил «хорошее настроение» крестьян, их готовность содействовать властям. Старосты окрестных деревень обещали доставить собранные у крестьян подати в соответствующее учреждение. Свидетельствуя о «полной дисциплине», присущей солдатам, представитель уездной власти в то же время высказывал нарекания в адрес казаков, производивших насилия и хищения. С поступлением жалобы от женщин один из милиционеров, отличавшийся «развязным поведением», был отправлен в Канск [32].

23 января правительственный отряд после четырехчасового наступления на село Тасеево из-за недостаточной огневой поддержки был вынужден отступить. Неудачный поход белых позволил партизанскому командованию сообщить населению, что вышедшие из Канска 600 карателей в течение девяти дней грабили население и кооперацию, расстреливали мужчин и насиловали женщин [2, с. 55].

В действительности насилием над населением отличалась деятельность лишь некоторых военных. Таким, к примеру, было отношение к крестьянам прапорщика М. И. Елизарьева, в прошлом добровольца чешского штурмового батальона, председателя уездных органов, и его подчиненных, посланных в селения Амонашевской волости. Местные крестьяне поддерживали администрацию и платили подати, но посетившие их казаки и милиционеры занялись уничтожением самогонных аппаратов, порками населения и вымогательством у него денег и вещей. Получив донос от крестьянина деревни Шумиха о том, что его соседи прячут оружие, члены отряда 25 января появились в селении, где стали, врываясь в избы и угрожая расстрелом, требовать деньги и самогонку, а отказников тут же пороть³³.

Но теперь подобная практика входила в противоречие с требованиями губернских властей. 31 января 1919 года управляющий Канского уезда получил послание губернского руководства, в котором милиции предлагалось при выяснении участников восстания обсуждать этот вопрос на сельских сходах, а их приговоры вместе с задержанными лицами направлять в следственные органы [32]. Сочтя, что

³¹ Там же. Д. 14. Л. 1; Государственный архив Новосибирской области (ГА НО). Ф. 5 а. Оп. 1. Д. 297. Л. 18; Власть труда (Минусинск). 1923. 14 сентября.

³² Подробнее о нем см.: Шишкин В. И. «Хождение по мукам» юриста В. П. Ламанского в 1918–1919 гг. // Гуманитарные науки в Сибири. 2013. № 1. С. 29–35.

³³ ГА КК. Ф. П–64. Оп. 11. Д. 14. Л. 49, 51, 55–56, 59.

обстановка не требовала репрессий, администрация уезда инициировала расследование насильственной деятельности офицеров братьев Елизарьевых следователем Иркутского военного округа³⁴.

Несмотря на такую реакцию гражданских властей, вошедший 28 февраля того же года на станцию Тайшет отряд Беляковича целую ночь занимался поркой арестованных крестьян и железнодорожных рабочих. Получив рапорт о тайшетских событиях, управляющий Енисейской губернией П. С. Троицкий просил об устранении подобных «самоуправств и нетактичностей» [2, с. 199].

Проявленной жестокостью белые только способствовали распространению восстаний. С приближением карателей население разбегалось по тайге, пополняя собой отряды повстанцев. 17 февраля полковник И. Н. Красильников еще раз атаковал село Тасеево, но с потерями был вынужден отступить. Карательные действия окончательно превратили его подчиненных в «банду хулиганов и ресторанных героев». Считая террор суровой необходимостью, они существовали по принципу, который современники характеризовали так: «Грабят, а сражаются великолепно...» [46, с. 270].

Для ликвидации мятежа, вспыхнувшего в ночь на 6 февраля 1919 года в городе Енисейске, белым уже потребовалось привлечение дополнительных воинских резервов и ужесточение репрессий. По свидетельству современников, вернувшиеся и жаждущие реванша сторонники белой власти, спуская под лед и закапывая живыми, уничтожили в селениях, находившихся на пути к городу, до сотни «большевиков». Со взятием его и объявлением 27 февраля 1919 года осадного положения казаки из отрядов В. И. Розанова расстреляли 186 захваченных с оружием или скрывавшихся лиц, а затем белые сбросили под лед, «отправив в Туруханск», до 700 человек, в частности из личной ненависти [47, с. 140; 48, с. 298]³⁵.

Вскоре правительственные отряды, «бессильные действовать против банд», отошли из глубины уездов к линии железной дороги. Трехмесячное топтание на одном месте частей было вызвано их малочисленностью, моральной слабостью и большой территорией распространения восстания. По сведениям земцев, оно охватило территорию «на расстоянии 100 верст от Красноярска». К тому же, взятая чехами на себя охрана Сибирской железнодорожной магистрали так и не стала гарантом бесперебойного движения.

Сибирская администрация все более склонялась к использованию в подавлении крестьянских восстаний армии и усилению репрессий. Важной предпосылкой к этому явилось подписание Верховным правителем А. В. Колчаком 3 декабря 1918 года постановления о введении смертной казни [13, с. 127]. Его стремление к концентрации реальных полномочий в руках генералитета и возложению на него решения возникавших проблем находило отклик в среде военных. Обобщая полученные данные, штабисты Иркутского военного округа спрогнозировали улучшение ситуации лишь путем замены Енисейского отряда МВД решительно действующими армейскими частями [2, с. 111].

С целью упорядочения участия военных в карательных акциях командованию округов было предоставлено право объявлять ту или иную местность на военном положении, а постановлением Совмина от 1 февраля 1919 года – карать виновных в нарушении общественной безопасности вплоть до смертной казни. В телеграмме от 20 марта 1919 года военный министр Российского правительства генерал-майор Н. А. Степанов передал командующему Иркутским военным округом генерал-лейтенанту В. В. Артемьеву повеление Верховного правителя о «решительном» подавлении енисейского восстания, которое следовало проводить «самыми строгими, даже жестокими мерами в отношении не только восставших, но и населения, поддерживавшего их...» [2, с. 113]. По некоторым сведениям, белые, угрожая применением боевых газов, выдвинули перед партизанами ультиматум о сдаче в семидневный срок³⁶.

Вопреки телеграммному указанию МВД о том, что «...ответственность за спокойствие губернии ... ложится на управ[ляющих] губ[ерниями]» [40], борьба с повстанцами переходила в руки военных. Уполномоченным по охране государственного порядка и общественного спокойствия в Енисейской губернии и Нижне-Удинском уезде Иркутской губернии с 13 марта 1919 года был назначен генерал-лейтенант С. Н. Розанов. Современник оставил о Розанове такую характеристику: он «был ленив и много пил; по внешности производил впечатление человека неряшливого, по характеру – необузданного и жестокого; у него было типичное армейское лицо и тяжелая походка настоящего палача». «Осуществляя свои карательные задачи, Розанов действовал террором, обнаружив чрезвычайную личную жестокость, – писал его сослуживец. – Расстрелы и казни были беспощадны. Вдоль сибирской магистрали, в тех местах, где мятежники своими нападениями прерывали полотно ж/дороги, он для вразумления развешивал по телеграфным столбам трупы казненных зачинщиков...» [13, с. 129; 47, с. 121]. Осуждая белый террор, еще один очевидец считал Розанова «третьей (после Калмыкова и Семенова – А.Ш.) одиозной фигурой» в Сибири [4, с. 156].

В последней декаде марта и в апреле 1919 года Розанов издал приказы, требующие уничтожать агитаторов, грабителей и шпионов, расстреливать заложников, а мятежные деревни сжигать. Иркутские

³⁴ Там же. Л. 61.

³⁵ Народный голос (Красноярск). 1919. 2 января.

³⁶ ГАКК. Ф. П-42. Оп. 6. Д. 427. Л. 38.

военные власти рекомендовали, кроме «поголовного уничтожения восставших», подвергать укрывавшее их население взысканию штрафа и конфискации имущества в пользу армии.

Ранее отношения между белыми, занявшими селение, и его жителями могли складываться в зависимости от облика и настроения начальства. К примеру, прибывший на станцию Ключевенную полковник Зевакин в приказе от 16 марта 1919 года даже требовал от подчиненных организовать подводную повинность местных жителей так, чтобы она не мешала им заниматься хозяйственными делами³⁷. Позднее двое офицеров–красильниковцев, грабивших и убивавших крестьян из-за денег, были приговорены к смертной казни [2, с. 148].

Но с появлением приказов губернского уполномоченного «началось нечто неопишное», - сообщал очевидец [49, с. 41]. Практика репрессий резко расширилась. Охранявшие железную дорогу, чеки «линчевали» партизан, совершавших диверсии. На станции Тинская были повешены двое членов совета, а 19 – расстреляны. Еще девять заложников из-за обстрела поезда подверглись казни в канской тюрьме. Наблюдавшийся в городе Канске террор был обусловлен еще и посещением его бывшим военным министром, который высказал местным властям свое недовольство незначительностью репрессий. С прибытием полковника И. Н. Красильникова в городе начались новые аресты и казни заложников. Из красноярской тюрьмы был возвращен и в ночь на 28 марта повешен бывший председатель Канского совдепа Н. И. Коростелев (М. Д. Кретов). В те же дни освобожденный по доносу недоброжелателей от должности городского головы и помещенный по предписанию МВД в тюрьму, социалист-революционер И. Д. Степанов подвергся казни [47, с. 141–142; 50, с. 67].

Прежде всего крупные правительственные силы обрушились на повстанцев в Ачинском уезде. Существовавший здесь с января 1919 года отряд П. Е. Щетинкина упорно сопротивлялся, но белые 18 марта взяли села Новоселовское, Петровское, 23-го – Троицкое и Козловку. 25 марта партизаны были выбиты из окопов у станции Нагорная, 26 – 29-го – потеряли селения Ольховка, Тимонино, Лапшиха и Красновка. После этих боев отряд Щетинкина прорвался и ушел на соединение с заманскими партизанами. В оставленных им селениях белые расстреляли 36 раненых повстанцев [2, с. 148].

Согласно воспоминаниям бывших партизан, в с. Ужур и волости белым воинством были биты шомполами и расстреляны 100–132 и по др. данным – 400 крестьян; в с. Шарыпово - повешены двое, расстреляны 56, а 254 – зарублены; в д. Парной погибли 72–78 жителей и в с. Балахта – 22 человека [21; 51, с. 46; 9, с. 279]³⁸. Однако опубликованная сразу же после событий информация свидетельствовала, что в южных местностях уезда минусинский и абаканский отряды расстреляли только 150 пойманных «бандитов» из разбежавшегося отряда М. Х. Перевалова³⁹.

Расстреляв в Лапшихе от 16 до 35 крестьян, белые подожгли её и Козловку, лишив жилья до тысячи жителей. В селе Ново-Еловское они сожгли часть домов и расстреляли некоторых крестьян. В ответ на просьбу делегации из села Тимонино не обречь их жилье уничтожению, каратели взыскали контрибуцию и каждого десятого жителя выпороли. С ликвидацией повстанческих очагов казаки Покровской волости проводили акции по окончательному «усмирению» местных крестьян. Сгнав их на пепелище деревни Ольховка, станичники расстреляли 10 человек, а пр. – перепороли. При этом власти закрывали глаза на то, что за казаками, которые осуществляли «эзекуцию», двигались семейные обозы с имуществом их жертв [2, с. 122–123; 47, с. 135–136]⁴⁰.

В др. местностях, рассказывали потом бывшие партизаны, белые также отличались жестокостями. Так, в деревне Тинская Нижне-Ингашской волости были расстреляны 18, в Комарково Больше-Муртинской – восемь повстанцев. Наступавший на село Зимник Абанской волости Канского уезда полковник Красильников оставил по себе «страшную память». Его подчиненные уничтожили четырех партизан и хозяина дома, в подвале которого они скрывались, 30 жителей и заживо сожгли крестьянскую семью. В селе Апано Ключи они повесили старосту, шестерых жителей и еще одному отрубили голову [21].

Весной 1919 года степнобаджейские партизаны полностью или частично контролировали территорию 14 волостей, в которых насчитывалось 16 тысяч крестьянских хозяйств и проживало около 100 тысяч человек. Здесь партизаны ликвидировали земские учреждения и заменили их советами [52, с. 241, 245]. Под властью партизан находились 11 тысяч человек населения села Тасеево и окружающих его волостей. При этом правительственные спецслужбы ознакомились с резолюцией III Сибирской большевистской конференции (город Омск, 20–21 марта 1919 года), требовавшей от большевистского подполья такого разжигания партизанской войны, для ликвидации которой стало бы необходимо максимальное отвлечение воинских сил с фронта [40].

Между тем военно-политическое руководство так и не пришло к единому мнению о применении репрессий в тылу. Несмотря на выражаемое Верховным доверие к военным, все его распоряжения претворялись в жизнь лишь после прохождения через Совет Министров [53, с. 29], а деятельность представителей белого режима направлялась «Положением о лицах, опасных для государственного

³⁷ Там же. Ф. П-64. Оп. 11. Д. 8. Л. 26.

³⁸ Соха и молот. 1919. 23 декабря.

³⁹ Свободная Сибирь. 1919. 13 апреля.

⁴⁰ ГА НО. Ф. Р-1. Оп. 1. Д. 297. Л. 154; Оп. 2. Д. 32. Л. 187; Свободная Сибирь. 1919. 13 апреля.

порядка вследствие принадлежности к большевистскому бунту», утвержденным Российским правительством 11 апреля 1919 года.

Однако выслушанные требования адмирала о немедленной ликвидации восстаний, заставили Совмин на заседаниях 16 и 18 апреля 1919 года согласиться с применением к мятежникам смертной казни [54, с. 320]. 24 апреля военный министр Степанов передал из Омска на места указание Верховного о «беспощадном уничтожении банд» [2, с. 174].

Но даже среди военных должностных лиц находились не только сторонники жесткого отношения к противнику и обществу. Так, в приказе по войскам Сибирской армии от 6 мая 1919 года за подписью генерала Гайды говорилось: «Всех, кто будет самочинно производить экзекуции, расправы и расстрелы, я буду предавать военно-полевому суду как за истязание и обыкновенное убийство» [47, с. 140]. Передавая подобные указания на места, все тот же Степанов предупреждал армейских начальников о том, что им надлежит быть «примером законных и справедливых отношений к населению» [18, с. 255]. По соображениям военной цензуры, угрозы Гайды в тылу не получили известности.

Напротив, 14 мая 1919 года в войсках и среди населения был растиражирован новый приказ Колчака. В нем требовалось «все движимое имущество сдавшихся в плен или перешедших на сторону противника, а также лиц, добровольно служащих на стороне красных, конфисковать в пользу казны; предателей и изменников в плен не брать и расстреливать на месте без суда; при поимке же их в дальнейшем будущем арестовывать и предавать военно-полевому суду» [44].

Скорее всего жестокое отношение правительственных служб и тыловых частей к населению мятежных районов и к тюремным узникам определялось личными качествами должностных лиц. Так, массовые казни заложников в красноярской тюрьме осуществлялись по инициативе местного военного командования. Списки смертников составлялись в штабе генерала Розанова. На расстрел брали ночью. Из тюрьмы обреченные выходили с пением похоронного марша и «Интернационала». Их везли по окраине города на гору, к кладбищу. Большинство казнимых вели себя гордо и умирали спокойно⁴¹.

В ночь на 30 апреля в ответ на зверское растерзание повстанцами прапорщика Вавилова по приказанию уполномоченного были расстреляны бывший комиссар губернского исполкома и председатель Енисейского совдепа В. Маерчак, И. Блинов, Я. Бойчук, Г. Коростелев, К. Левальд, В. Мариловцев, А. Нитавский, И. Пепсин, А. Семенов и Г. Саломатов (здесь и далее у большинства лиц отчество неизвестно) [12, с. 153]⁴². С получением известия о том, что партизаны повесили капитана Логутина, поручика Барковского (имя и отчество неизвестны) и зверски убили старшего унтер-офицера 10-го чехословацкого полка Вондрашека, белые 10 мая подвергли казни 10 заложников, в том числе бывшего члена ЦИК Советов Сибири Я. Бограда, председателя Енисейского совдепа А. Перенсона, Ф. Веймана, М. Замощина, С. Иоффе, И. Коншина, А. Менчука (Минчука) (Рокамболя), О. Петерсона, Я. Станислауса и Э. Шульца⁴³. Наконец, 14 июня за убийство партизанами фельдшеров 1-го Томского гусарского полка были расстреляны М. Афанасьев, А. Бляшко, Л. Зейле, Г. Пекарж, Я. Портных, С. Тамаров, К. Ткаченко и Д. Третьяков⁴⁴.

К этому времени обострилась ситуация и на Сибирской магистрали. В целях нарушения сообщения 8 мая 1919 года повстанцы повели наступление и захватили станцию Тайшет. Они были отброшены чехами и понесли существенные потери. Из них 25 человек были повешены. Вероятно, одним из них был И. А. Бич-Тажный – трагическая фигура Шиткинского фронта. Но движение по железной дороге из-за этих событий и постоянных разборок пути, порчи мостов и телеграфа, крушений и обстрелов поездов приостановилось. Власти были вынуждены обратиться к ликвидации внутренних фронтов, которая должна была носить ударный, быстрый характер [2, с. 171, 173, 178].

12 мая 1919 года в очередной раз в результате предательства было обезглавлено красноярское подполье. С захватом штаба и задержанием 15 человек были обнаружены части пулемета, бомбы, винтовки, патроны, типографский станок и шрифт. После допросов арестованные пополнили ряды заложников.

В середине мая 1919 года белые и их союзники, состоявшие из фронтовых армейских частей, дивизии чехов, двух рот итальянцев и полка енисейских казаков общей численностью в 12 тысяч человек и поддерживаемые огнем 25 орудий и 50 пулеметов, начали наступление на Заманье. На севере Канского уезда активизировались войска полковника Красильникова, которые были поддержаны десантом, доставленным в устье Енисея и Ангары Енисейской речной флотилией.

17 мая со стороны станции Клюквенная выступили чехи, которые заставили партизан отступить на Перово и далее на Вершино-Рыбное. В селе Семеновское белые расстреляли семерых, в Перово зарубили троих, расстреляли 15 и в Рыбинском – 40 жителей. Мародерствующие солдаты шумно пьянствовали и насиловали женщин. Огню были преданы строения в селениях Койское, Стойбинское, Ново-Николаевское и Симоново.

⁴¹ ГА КК. Ф. Р-1743 с. Оп. 1. Д. 243. Л. 1.

⁴² Там же. Ф. П-64. Оп. 1. Д. 448. Л. 75.

⁴³ Свободная Сибирь. 1919. 13 мая; ФКККМ. В/ф 12466/5. Л. 4; ГА КК. Ф. П-64. Оп. 1. Д. 448. Л. 75; Ф. П-42. Оп. 6. Д. 355. Л. 28.

⁴⁴ Свободная Сибирь. 1919. 18 июня.

Наступая на село Шало, чехи выбили оттуда партизан, отошедших к Кияю и Нарве, а 22-го – двинулись на Вершино-Рыбное. Не сумев организовать его оборону, партизаны отступили на Солонечно-Талую. Население с. Вершино-Рыбное, причастное к повстанчеству, заплатило большую контрибуцию. В дальнейшем за отправку 50 подвод с продуктами для партизан была ликвидирована д. Солонечно-Талая [28, с. 320; 45, с. 92–93]⁴⁵.

Действуя на др. направлении, войсковая группа 16 мая вошла в село Межево Красноярского уезда, где сожгла 70 домостроений. На следующий день каратели заняли деревню Таргинскую. Собрав людей на сход, они первыми допрашивали писарей. Тех, кто отказывался называть лиц, выступавших в поддержку советов, пороли, а следующей ночью наделяли «землей и волей», то есть расстреливали. В селе Сугристое по доносу «услужливых обывателей» белые казнили троих жителей, 20 мая выпороли население деревни Ново-Александровская и 21-го – села Хайдак. Крестьян избивали нагайками и расстреливали по самому незначительному поводу: за хранение берданы, обоймы патронов, за отказ называть «большевиков»⁴⁶.

Действуя в Канском уезде, начальник одного из воинских отрядов предупреждал население: «Подати, если не внесены, немедленно внести... При малейшем сопротивлении со стороны сел и деревень я буду беспощадно громить дома артиллерией» [44]. Судя же по др. источнику, отряды теперь сопровождалась земскими чиновниками. Согласно предписанию управляющего, например, Канским уездом от 7 июня 1919 года, они обязывались регулировать отношения между воинскими чинами и местным населением, заботиться о снабжении отрядов продовольствием и фуражом, наблюдая, чтобы за все взятое для солдат уплачивались деньги или выдавались расписки. Кроме того, помощник управляющего должен был принимать меры к успокоению населения, распространять сведения о положении дел и восстанавливать местную гражданскую администрацию. Получив информацию о том, что в местностях, очищенных от партизан, его подчиненный занимался передачей брошенного беглецами имущества военным властям, управляющий 11 июня потребовал принимать его по описям и сдавать под охрану представителям местного земства [32].

К концу мая разгрому подвергся Шиткинский партизанский фронт. Еловские повстанцы во главе с В. Юшковым (отчество неизвестно), зажатые белыми в деревне Трясучая, бежали в тайгу, были переловлены, избиты, а многие – расстреляны. 25-го чехи выбили повстанцев из селений Бирюса, Конторское, Еловка и Старый Акульшет. Первые два из них подверглись сожжению. К 6 июня пала советская власть в селе Кучерово и его окрестностях. Захваченные противником, её сторонники были повешены у церкви, а само село – подожжено. 8 июня чехами была взята Кежма, а 14-го – Шиткино [2, с. 12, 180].

Ведя упорные бои, белые и чехи 4 июня захватили село Кий. С выходом на нарвскую паромную переправу перед ними открывался путь на Степной Баджей. Партизаны пытались отстоять Нарву. Но 11 июня чехи, итальянцы и казаки, переправившись на правый берег реки Мана, взяли её. Здесь они собирались расстрелять десяток жителей, но успели только выпороть немногих. Процедуру прекратил неизвестный чешский офицер и двое его солдат, выставившие пулемет против карателей.

13 июня началась эвакуация защитников Степного Баджея, а 15-го – он был оставлен партизанами, которые разошлись по заимкам или отправились в Саянский поход. Вошедшие белые обнаружили в селе только трех местных мужчин и 15 женщин, а также 250 раненых и 500 трупов [2, с. 179, 181, 183–184; 12, с. 151; 45, с. 93, 97–98; 54, с. 242].

Во время этого наступления и после него в Степно-Баджейской волости были сожжены все деревни. На её территории стали попадаться трупы сдавшихся, но зарубленных казаками партизан. С объявлением конфискации всего имущества у крестьян, добровольно ушедших с партизанами, в селениях Кийской волости начали бесчинствовать итальянцы, которые забирали у жителей самовары и швейные машины. В доме одного из крестьян, сыновья которого были мобилизованы партизанами, солдаты конфисковали имущество так, что оставили на мужике лишь его одежду. Некоторые из солдатни только и занимались, что привозили и делили «конфискованное». С уходом правительственных отрядов в этой волости остались целыми лишь 57 домов [55, с. 219]⁴⁷.

«Колчаки сильно насильничали, особо надругались над теми, кто красным помогал, все брали, как свое, – вспоминала потом местная крестьянка. – В Потанино какого-то начальника убили. Так они всех там мужиков, кого поймали, поубивали. Трупный запах стоял» [26, с. 188, 190].

Взаимодействуя с десантом армейских частей, вошедших в село Рыбное на Ангаре, группа войск Красильникова общей численностью более 15 тысяч человек 8 июня повела наступление на повстанческие очаги на севере Канского уезда. Продвигаясь по Фаначетской волости, белые повесили и расстреляли 108 человек и сожгли 148 хозяйств. Заняв деревни Кондаково, Канарай и Хандаля, правительственные отряды подступили к селу Тасеево. 15 июня в бою у деревни Таловская белые использовали химические снаряды. За неделю до прихода правительственных войск партизанским командованием была объявлена эвакуация тасеевского населения. Лица, которые не пожелали выехать,

⁴⁵ ГА КК. Ф. П–64. Оп. 11. Д. 15. Л. 1, 376; Оп. 5. Д. 531. Л. 11, 15.

⁴⁶ Соха и молот. 1919. 25, 26 сентября.

⁴⁷ Там же. 27 сентября.

например, жены милиционеров, были отступавшими убиты. Оставив до полусотни стариков, повстанцы ушли из села. 17 июня правительственные отряды вошли в Тасеево.

Применив артиллерию и овладев укрепленной позицией у деревни Усть-Бобровка, белые 19 июня ворвались в село Троицко-Заводское и заняли солеваренный завод. Перебив до 50 партизан, они захватили лошадей, амбар с зерновыми запасами и кожей, пушку и канцелярию Тасеевского ВРШ, семьи некоторых партизан, а также их имущество, закопанное в землю. Следом состоялся бой на реке Кайтым, в котором партизаны, находившиеся в засаде, нанесли существенный урон противнику. Быстро оправившись, белые заставили повстанцев бросить обоз, гонимый скот и отступить в таежные дебри на реке Оне [2, с. 179, 182, 189; 32; 12, с. 158]⁴⁸.

Будучи еще в селе Рыбное, командующий десантом подполковник И. Ф. Ромеров наложил на его население контрибуцию в 50 тысяч рублей [56, с. 75]. Еще большую сумму, в 100 тысяч, белые собрали с жителей села Тасеево. Судя по воспоминаниям очевидцев, каратели казнили жен видных тасеевских партизан, пороли и живыми закапывали мужиков, насиловали женщин, расстреляли и зарубили 200 человек. Покидая 19 июня село, полковник Жилинский приказал его сжечь. В результате сгорели 200, или 2/3 всех дворов. Расстреляв 11 крестьян, белые подожгли деревню Денисово, а затем и Канарай. В деревне Колон, жители которой разрешили партизанам организовать засаду, населению было разрешено вывезти имущество, но часть её была сожжена. Согласно воспоминаниям, погибли от огня и некоторые крестьяне. Население разъехалось и было вынуждено проживать в балаганах на пашне, в бору и в ближних селениях. На Троицком заводе были расстреляны до 100 жителей и 28 тасеевских «главарей» [2, с. 189; 57, с. 58; 58, с. 63, 76, 119–120]⁴⁹.

Несколько иную информацию о событиях в этих местах предоставил в уездную администрацию в рапорте от 3 июля 1919 года все тот же Ламанский. Он сообщал, что в заводском поселке им и начальником отряда собирались сходы, на которых они рассказывали о политике властей и разоблачали виновников беспорядков. В результате вступившим войскам крестьянами был оказан «радушный прием»: они немедленно выплатили контрибуцию в 50 тысяч рублей и составили приговор с указанием всех местных мятежников, а также организовали дружину, члены которой на смотре обещали «всемерно бороться с большевизмом», что затем не помешало им перейти на сторону тасеевских повстанцев. Оставленное партизанами имущество и хлеб были приняты на хранение земской управой села Христово-Рождественское, за что его населению «оставшиеся безнаказанными» тасеевские «большевики» угрожали сожжением.

23 июня правительственные войска оставили заводской поселок и направились в село Фаначет, а автор выехал в Тасеево, где милиция установила сожжение 200 домов и выплату контрибуции в пользу армии. Возвратившись к этому времени население избрало на сходе старосту и назначило членов волостной земской управы. Переезжая в село Рождественское, земское представительство отмечало наблюдаемое у крестьян «полное содействие правительственной власти и желание поддерживать проведение порядка, сулящего спокойствие и законность». В селе Фаначет, где правительственные войска, как оказывается, сожгли только один дом жителя, бежавшего с партизанами, земцами был проведен сельский сход, который назначил членов волостной управы.

Однако милицией была установлена произведенная в селе Бакчет реквизиция военными скота, принадлежавшего лицам, которые бежали с партизанами. Когда отряд покидал село, все лошади у офицеров были заменены на лучшие, подводы были заполнены тушами скота, зарезанного у крестьян деревень Топол и Колон, а следом гналось стадо коров и телок. В таких случаях уездное начальство требовало от своих представителей перечисления военными денежных сумм за конфискованных животных в распоряжение комиссии по определению убытков населения [32].

24 июня 1919 года руководивший подавлением партизанского движения в Енисейской губернии генерал Розанов издал приказ, в котором объявил, что «главные очаги восстаний, Степно-Баджей и Тасеево, взяты. Главари восстания и организаторы нападений на поезда расстреляны» [54, с. 246]. Судя по советским источникам, уничтожению в губернии подверглись 12 – 14 тысяч крестьянских хозяйств, 1,5 млн пудов хлеба и 917,3 тысячи пудов сена. Расхищены были от 13 до 18,1 тысячи голов лошадей, 20 – крупного рогатого скота и 12,6 – мелких животных. Кроме того, свыше 50 тысяч десятин деревенских посевов и пара оказались непригодными к использованию. Около 10 тысяч крестьян были повешены и расстреляны, 14 – подверглись порке и 33 – пострадали от грабежей [59, с. 44–45]. Мятежное население впервые в Сибири ощутило на себе применение снарядов с боевыми газами. Согласно же более свежим сведениям, только с апреля по июнь 1919 года жертвами расстрелов в регионе стали восемь тысяч мятежников [60]. Кроме того, летом 1919 года численность заключенных в пяти тюрьмах губернии выросла до 3,2 тысячи человек. Большинство из них составляли местные крестьяне, арестованные за участие в антиправительственном восстании [59, с. 158].

Военная власть поощряла участников этой экспедиции. Розанов подписал приказ с благодарностью начальникам, офицерам, стрелкам и казакам за «отлично выполненную боевую работу». Указом Колчака

⁴⁸ ГАКК. Ф. П–42. Оп. 10. Д. 101. Л. 38.

⁴⁹ Там же. Ф. П–64. Оп. 11. Д. 762. Л. 40, 42–43, 45, 53.

от 21 июня 1919 года государственные земли, составлявшие наделы крестьян селений Тасеево и Степной Баджей, были переданы под заселение солдатам [18, с. 256; 61, с. 611]. Более того, когда дружинники Абаканской волости Минусинского уезда расстреляли нескольких крестьян за проявленный «большевизм», что вызвало возмущение населения и открытие местными властями уголовного дела, то генерал Розанов 30 июня заявил, что данные лица «действовали в пределах [прав,] предоставленных им законом...» [62, с. 92].

Однако расправа белых была столь жестокой и масштабной, что она заставила Розанова 24 июня 1919 года приказать об отмене бессудных расстрелов заложников [2, с. 188]. Насилие над крестьянами возмутило гражданские власти. 11 июля управляющий Енисейской губернией П. С. Троицкий сообщил в МВД, что военные «перехватили через край...». «Сжигание сел стало системой, - писал он, - хотя генерал Розанов обещал мне этого не допустить». Высланная правительством следственная комиссия доложила: «Происходила кошмарная и несправедливая расправа...» [55, с. 219, 326]. По итогам расследования Колчак распорядился об отмене института заложников [63, с. 52]. В дальнейшем он защищал своих ставленников на местах от обвинения в излишней жестокости и называл её крайней мерой, необходимой в военной обстановке [47, с. 127].

Выбив партизан из населенных пунктов и вытеснив их в тайгу, правительственные войска поставили своего противника на грань поражения. Но такой вывод являлся преждевременным. За период с 15 июня по 30 сентября 1919 года в Енисейской губернии, по неполным данным, было убито девять гражданских должностных лиц, 12 милиционеров и дружинников, 26 военных, 530 частных лиц, изнасиловано 13 женщин, сожжено 25 железнодорожных мостов и организовано крушение поезда. Отрезок пути от Красноярска до Нижнеудинска считался самым опасным участком Транссибирской магистрали [40].

Оставленные в селениях воинские гарнизоны не стали гарантией от беспорядков. Стихия солдатских погромов продолжала существовать. Так, 22 июня отряд капитана Юдина появился в деревне Пронино Тасеевской волости, где конфисковал 58 коров, 62 лошади и арестовал 27 крестьян. Обыскав селение и оставив за собой 13 подожженных домов, он доставил людей и скот в село Фаначет. В штабе 13 человек были расстреляны, а остальные подверглись порке [28, с. 306]. Посетив село Петрушковское Канского уезда, арестовав и выпорвав жителей, военнотрудовой из отряда, стоявшего в соседнем селении, увез конфискованное имущество крестьянина, признанного большевиком⁵⁰. 17 июля правительственными войсками была взята деревня Хандала. Распоряжением все того же полковника Жилинского были повешены восемь партизан, в том числе раненый и женщина [32]. Население было вынуждено спасаться от насилия собственными усилиями. Так, жители Тальской волости на волостном сходе постановили убивать тех, кто покажет на соседей, как на большевиков⁵¹.

Продолжали действовать и военно-полевые суды. Так, 11 июля 1919 года такой суд в городе Канске приговорил за бегство в «банду» и агитацию в пользу советской власти шестерых крестьян к расстрелу и одного – к каторге. В том же месяце за участие в восстании суд осудил к расстрелу шестерых рабочих станции Теплые Ключи и 20 августа в Канске – еще четырех человек. 18 сентября начальник контрольно-разведывательного пункта, рассмотрев показания крестьянина из деревни Денисово Рождественской волости С. С. Котовича, агитировавшего за советскую власть, приговорил его к суровому наказанию [59, с. 122–123]⁵².

Событием, которое сопровождалось привычными расстрелами, явилось восстание военнотрудовых 3-го горного (егерского) 2-й отдельной бригады и 31-го Сибирского запасного стрелкового полков 8-й дивизии, находившихся в Красноярском военном городке. Несмотря на наличие в одном из них подпольной организации и связи с городскими большевиками, непосредственным поводом к выступлению шести тысяч солдат и примкнувших к ним военнопленных венгров стала угроза отправки на фронт и появление в их рационе питания тухлой рыбы. Осуществив в ночь на 30 июля захват складов с оружием и наступление на город, восставшие столкнулись с подошедшими войсками 3-й чехословацкой дивизии, итальянскими и казачьими частями. С тылу их начали обстреливать батареи 4-го горного полка. Разгромленные и окруженные солдаты–новобранцы стали группами расстреливаться [28, с. 36–39]⁵³.

В советское время считалось, что лишению жизни здесь подверглись 1,6 тысячи человек⁵⁴. Но затем эта цифра уменьшилась до 700 мятежников, в частности 40 мажар, казненных по приговору созданного в военном городке военно-полевого суда [64, с. 134–138; 20, с. 76]. Сведения о гибели 500 – 600 восставших солдат были выложены еще одним историком [44]. С венграми расправлялись чешская контрразведка и бойцы из 2-го батальона 12-го чехословацкого полка. Еще восемь иностранных участников восстания, в том числе мажар, были расстреляны местными военными властями [12, с. 171; 65, с. 113]. Однако имеется свидетельство, что жертв подавления восстания было еще меньше:

⁵⁰ Там же. Д. 14. Л. 27.

⁵¹ Там же. Д. 15. Л. 188.

⁵² Там же. Д. 14. Л. 21, 24.

⁵³ Соха и молот. 1919. 27 сентября.

⁵⁴ ГА КК. Ф. Р-49. Оп. 1. Д. 17. Л. 63.

численность расстрелянных составляла всего 250 – 300 человек [21], а венгров в расстрельном приказе насчитывалось только 24 лица [28, с. 39].

Вопреки указаниям сверху, продолжали существовать и случаи расстрелов узников красноярской тюрьмы. На этот раз список смертников составлялся согласно доносу, поступившему от заключенных уголовников, которые из личных побуждений предложили свои услуги контрразведке. В ночь на 18 сентября из её стен были выведены и казнены отрядом прибывших казаков более 30 «заговорщиков», в частности шестеро или семеро надзирателей⁵⁵. Следом расстрелу подверглись четверо членов подпольной организации. За период массового содержания советских деятелей в этой тюрьме без суда и следствия были расстреляны не 49 [49], а 63 политических заключенных из числа большевиков и эсеров. Оставшиеся в живых, по разным данным, 320–350, или более 460 политических и уголовных заключенных в конце сентября 1919 года «шелонами смерти» были отправлены в концентрационные лагеря на Дальний Восток [28, с. 277]⁵⁶.

Отмщением рабочим за отсутствие с их стороны поддержки объяснялась деятельность отряда белых на Знаменском заводе. В ночь на 29 сентября они совершили казнь 13 рабочих. На юге Минусинского уезда решившие уходить в эмиграцию, казаки в декабре 1919 г. захватили от 8 до 12 абазинских рабочих, приехавших за продуктами. Семеро из них были замучены [21; 66, с. 63].

Воинские части разлагающейся армии все более превращались в откровенных грабителей и поджигателей. 29 октября после неудачного наступления на деревню Топол солдаты начали жечь её окрестности. Несмотря на обещания защитить население от красных, командование Нижнеудинского гарнизона приказало угнать у крестьян деревень Кондратьево и Манганово 160 голов крупного рогатого скота, свиней, овец и конфисковало масло, сало, шубы и овчины, а на участке Чурикова – дефицитную соль. Мужики, посетившие канский базар, были властями насильно мобилизованы и отправлены на фронт [2, с. 290].

С поражением белых случаев их террора становилось все меньше. Одним из них стал арест 6 ноября 1919 г. 40 красноярских подпольщиков, среди которых были члены вновь созданного большевистского комитета – И. Герасимов, Э. Итыгин, В. Лавров, Л. Литвина, П. Меженин, Н. Молчанов, Я. Новогрешнов, П. Рухлов, И. Сачков и И. Фридман (отчества неизвестны). Благодаря ходатайству общественности, их дело было передано из ведения военно-полевого в суд с защитой и свидетелями. Но из-за военных обстоятельств назначенное на 16 декабря открытое судебное разбирательство не состоялось. 29 декабря образовавшийся Комитет общественной безопасности под давлением рабочих–железнодорожников освободил из тюрьмы её узников⁵⁷.

Белый террор, хотя и незначительно, но оказывал воздействие на лиц, к которым он применялся. Об этом, например, говорят наблюдаемые случаи поведенческой растерянности и суицидальной настроенности вожakov повстанчества, вызванные поражением их отрядов. Большинство арестованных подпольщиков воспринимало происходившее с ними мужественно. Но случалось, что следственные и тюремные тяготы ломали и этих людей. Среди подобных лиц была, к примеру, член РКП(б) и связанная между партизанами и подпольщиками В. А. Малышева. Арестованная в Красноярске 12 марта 1919 года, она была приговорена военно-полевым судом к смертной казни, которую заменили 20-летней каторгой. Находясь в красноярской тюрьме, она 15 декабря обратилась с письмом к Колчаку, в котором, заявив о принудительном характере своего нахождения в партизанах, просила помиловать «раскаившуюся грешницу» и зачислить её в его армию в качестве медсестры. Заседавший 31 января 1920 года партийный суд, обвинив Малышеву в отрицании принадлежности к большевикам, в сношении с тюремной администрацией, а затем в агитации солдат к признанию власти Политцентра, временно перевел её в группу сочувствующих [37, с. 428]. Вероятно, этот случай не был единственным.

В дальнейшем бывшие партизаны, вернувшись домой, часто оказывались на пепелищах лишенными даже куска хлеба. Для оказания помощи нуждающимся при Енисейском губернском ревкоме была создана специальная комиссия. Деятельность её способствовала восстановлению разрушенных хозяйств. Однако оно даже в середине 1920-х годов было далеко от завершения. На VI Енисейском губернском съезде советов (апрель 1925 года) отмечалось, что работа по выявлению жертв белогвардейщины осуществлена лишь на четверть. Созданная отчетность засвидетельствовала людские потери в 2,8 тысячи человек и сожжение 69 селений⁵⁸.

Следовательно, белый террор, примененный в Енисейской губернии, был существенным, но скорее всего менее значительным против того, что назывался в советское время. Конечно, нельзя не согласиться с утверждениями историков о том, что он существовал в качестве мщения белых начальников, так называемых «атаманов» и офицеров тем, кого они считали «социалистами, интернационалистами, евреями» или взбунтовавшейся чернью [67, с. 91]. Но офицерство, принимавшее участие в подавлении крестьянских восстаний, давно потеряло свой прежний дворянский облик. Его политические взгляды были пестрыми: скрытые сторонники монархии, приверженцы Учредительного собрания и Земского

⁵⁵ Там же. Ф. Р-1743 с. Оп. 1. Д. 243. Л. 1; ФКККМ. В/ф. 903. Л. 8.

⁵⁶ ГА КК. Ф. Р-1743 с. Оп. 1. Д. 243. Л. 1.

⁵⁷ Власть труда. 1922. 7, 9 ноября.

⁵⁸ ГА КК. Ф. Р-49. Оп. 1. Д. 527. Л. 138.

собора, казацки сепаратисты и лица, придерживавшиеся эсеровских взглядов. Но часто поведение офицеров находилось в зависимости от их материального обеспечения. Среди них были разные лица, начиная от служаков и патриотов и кончая мародерами и садистами.

Отбрасывая в сторону явные выдумки бывших партизан об офицерах и казаках, являвшихся «храбрыми в расправах и утонченными в жестокостях до глупости»⁵⁹, следует признать, что в их среде находились такие, как тот же Красильников - огромного роста, с большой бородой «вечно пьяный хулиган»; подпоручик Томского гусарского полка Пестиков, в нетрезвом виде грозивший общественности обнаженным оружием; есаул Трофимов, занимавшийся мошенничеством; капитан Юдин, отличавшийся своими жестокостями, или подпоручик Арзамасцев, приглашавший солдат «потешиться» над арестованным.

Карательные действия белых были predetermined сложившейся обстановкой и усилились с участием армии. С использованием военно-полевых судов, контрибуций и массового сожжения деревень они все более выстраивались в некую систему и обретали государственный характер. В то же время в документах белой гражданской администрации, в отличие от воспоминаний бывших партизан, насилие рассматривалось, как вынужденная, ответная и не контролируемая мера, которая никогда не воспевалась авторами.

Однако белый террор не мог существовать без участия в нем основного населения России. Не случайно крестьяне рассматривались затем советской властью как «мелкобуржуазная стихия», которую надлежало «нейтрализовать» [68, с. 128]. По инициативе самого населения, ограбленного партизанами, в крупных селах создавались дружины самообороны, которые не только занимались сохранением порядка на вверенной им территории, но и принимали участие в подавлении восстаний. Они преследовались как партизанами, так, случалось, и белыми. Вернувшиеся в родные селения, около 130 дружинников были, по распоряжению все того же Красильникова, расстреляны [55, с. 326].

Согласно воспоминаниям в прошлом партизан и очевидцев, среди их односельчан было много «предателей». Например, в селе Кучерово защитником белой власти выступал кулак Н. Пияков. «Вся Хандала, – уверяли жители соседних деревень, – была белогвардейская», а карателей в один из походов против крестьян села Тасеево вел их земляк. Выжиданием отличалось зажиточное население села Агинского. Списки для репрессий своих соседей составлялись жителями многих селений. Так называемые «большевики» выдавались односельчанами. Поджоги домов крестьян, что уехали с партизанами, часто начинали местные жители, а продолжали солдаты. В одном из правительственных отрядов находился доброволец–палач из крестьян Ачинского уезда И. Дмитриев (отчество неизвестно) с кличкой Новоротов, который порол канских мужиков резиновым изделием со свинцовым наконечником [28].

Более того, сами армейские части, действовавшие в партизанских районах, были сформированы из крестьян, мобилизованных в др. регионах страны. Например, Минусинский экспедиционный отряд состоял из военнослужащих, призванных в деревнях Иркутской губернии [69, с. 25].

Таким образом, карательная деятельность антибольшевистских сил, пришедших к власти летом 1918 года, выражалась в бессудных единично-групповых жестоких расправах над бывшими советскими руководителями и красногвардейцами, а также в их расстрелах по приговору союзнического военного суда. Исполнителями их являлись не государственные органы, а радикально настроенные лица из числа интервентов, русского офицерства и казачества. Репрессии стали массовыми и жестокими с усилением борьбы с повстанчеством и передачей её под опеку армейского руководства. Теперь они сочетали в себе элементы государственного насилия и хаоса, возникающего под воздействием солдатчины. Но репрессивные методы, используемые белыми, способствовали лишь временному затуханию общественного протеста, который затем вспыхнул с еще большей силой.

Библиографический список

1. Грязнухин А. Г. Переход от ревкомов к советам в Восточной Сибири (1920-1921 гг.): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Иркутск, 1994. 28 с.
2. Партизанское движение в Сибири. Т. 1. Приенисейский край. М., Л.: Госиздат, 1925. 313 с.
3. Документы героической борьбы: сб. док. мат-в, посвящ. борьбе против иностр. интервенции и внутр. контрреволюции на территории Енисейской губернии (1918 – 1920 гг.). Красноярск: Кн. изд-во, 1959. 560 с.
4. Грэвс [У.]. Американская авантюра в Сибири (1918–1920) / пер. с англ., вступит. ст. И. И. Минца.. М.: Гос. воен. изд-во, 1932. 248 с.
5. См., например: Померанцева А. В. Борцы пролетарской революции: памяти И. И. Белопольского, Я. Ф. Дубровинского, Г. С. Вейнбаума [и др.]. Новосибирск; Красноярск: Обл. гос. изд-во, 1940. 44 с.
6. Незабываемое. Воспоминания участников революционных событий в Красноярском крае (1917–1920 гг.). Красноярск: Кн. изд-во, 1957. 224 с.
7. Борьба за власть Советов в Енисейской губернии. Красноярск: Краснояр. рабочий, 1958. 262 с.
8. Борьба за власть Советов в Хакасии (1917 – 1923 гг.). Абакан: Хак. кн. изд-во, 1961. 158 с.
9. Годы огневые: сб. воспоминаний участников красноярского большевистского подполья и партизанского движения Енисейской губернии в борьбе за власть Советов (1918 – 1920 гг.). Красноярск: Кн. изд-во, 1962. 407 с.

⁵⁹ Там же. Ф. П–64. Оп. 5. Д. 531. Л. 3.

10. За власть Советов на юге Сибири. Воспоминания участников гражданской войны в Минусинском уезде Енисейской губернии. Абакан: Хак. отд-е Краснояр. кн. изд-ва, 1968. 119 с.
11. Енисейский энциклопедический словарь / гл. ред. Н. И. Дроздов. Красноярск : Рус. энцикл., 1998. 735 с.
12. Мармышев А. В., Елисеенко А. Г. Гражданская война в Енисейской губернии. Красноярск: изд-во ООО «Версо», 2008. 416 с.
13. Литвин А. Л. Красный и белый террор в России. 1918–1922 гг. Казань: Татар. газ.-журн. изд-во, 1995. 326 с.
14. Литвин А. Л. Красный и белый террор в России. 1918–1922 гг. М.: Яуза: ЭКСМО, 2004. 442 с.
15. Голуб П. А. Белый террор в России (1918–1920 гг.). М.: Изд-во «Патриот», 2006. 477 с.
16. Булдаков В. П. Красная смута. Природа и последствия революционного насилия. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 1997. 376 с.
17. Булдаков В. П. Революция, насилие и архаизация массового сознания в Гражданской войне: провинциальная специфика // Белая гвардия. 2002. № 6. С. 4–11.
18. Звягин С. П. Правоохранительная политика А. В. Колчака. Кемерово: Кузбассвуиздат, 2001. 350 с.
19. Цветков В. Ж. Репрессивное законодательство белых правительств // Вопросы истории. 2007. № 4. С. 16–26.
20. Осипов В. В. Красный и белый террор: правовое регулирование. Красноярск, 2019. 157 с.
21. Ратковский И. С. // Хроника белого террора в России. Репрессии и самосуды (1917–1920 гг.). М.: ООО «ТД Алгоритм», 2017. 464 с.: [сайт]. – URL: https://militera.org/books/pdf/research/ratkovskiy_is01.pdf (дата обращения: 4. 04. 2023).
22. Ратковский И. С. Белый концлагерь: жизнь заключенного Гражданской войны в России // Гражданская война в России: жизнь в эпоху социальных экспериментов и военных испытаний, 1917–1922: мат-лы Междунар. коллоквиума (СПб., 10–13 июня 2019 г.). СПб.: Нестор–История, 2020. С. 320 – 327.
23. Ратковский И. С. Белый террор. Гражданская война в России. 1917–1920 гг. СПб.: Питер, 2021. 496 с.
24. Тепляков А. Г. Белый террор на востоке России в 1918 г.: традиционная мифология и новый взгляд // Россия в прошлом и настоящем. Внутренняя и внешняя политика России в XX – начале XXI веков: сб. науч. тр. Новосибирск: Новосиб. гос. ун-т экон. и упр-я «НИНХ», 2013. С. 6–25.
25. Тепляков А. Г. Белый террор в современной историографии: традиционная мифология против попыток переосмысления // Гражданская война в России: проблемы выхода, исторические последствия, уроки для современности: сб. науч. тр. / Институт истории СО РАН. Новосибирск: Параллель, 2022. С. 58–74.
26. «Была ужасная пора, об ней свежо вспоминанье...»: устные рассказы жительницы села Степной Баджей Манского района Красноярского края Семенковой Галины Васильевны / подготовила О. В. Фельде // Siberia Lingua. 2010. Вып. 1. С. 184–219.
27. Воспоминания участников Гражданской войны в Восточной Сибири 1918 –1920 годов (по материалам ГАНИИО): научное издание / сост. Е. А. Серебряков. Иркутск: Изд-во «Оттиск», 2019. 648 с.
28. Комарова Т. С. Гражданская война в Енисейской губернии. Воспоминания, мемуары. Красноярск : КАСС, 2021. 492 с.
29. Артамонова Н. Я. Воспоминания участников Гражданской войны на юге Енисейской губернии как исторический источник (по материалам фондов личного происхождения ученых Хакасии) // Гражданская война на востоке России: взгляд сквозь документальное наследие : мат-лы III Всерос. науч.- практ. конф. (Омск, 13–14 нояб. 2019 г.). Омск : Изд-во ОмГТУ, 2019. С. 14–18.
30. Нарский И. В. Жизнь в катастрофе: Будни населения Урала в 1917–1922 гг. М.: РОССПЭН, 2001. 613 с.
31. Поршнева О. С. Практики насилия в воспоминаниях рабочих – участников Гражданской войны на Урале // Гражданская война в России: жизнь в эпоху социальных экспериментов и военных испытаний... – С. 294–306.
32. Евстифеев В. // Канские хроники. Год девятнадцатый: [сайт]. – URL: <https://proza.ru/2021/11/29/1470> (дата обращения: 4. 04. 2023).
33. Симонов Д. Г. Белая Сибирская армия в 1918 году. Новосибирск: Изд-во НГУ, 2010. 610 с.
34. Октябрь в Сибири: Хроника событий, март 1917 – май 1918. Новосибирск: Наука, 1987. 319 с.
35. Познанский В. С. Очерки истории вооружённой борьбы Советов Сибири с контрреволюцией в 1917–1918 гг. Новосибирск : Наука, 1973. 307 с.
36. Письма во власть в эпоху революции и гражданской войны (март 1917– май 1921 г.): Сб. док-в / сост. и науч. ред. В. И. Шишкин. Изд. 2-е, расшир. и доп. Новосибирск: Автограф, 2015. 421 с.
37. Шекшеев А. П. Гражданская смута на Енисее: победители и побежденные. Абакан: Хак. кн. изд-во, 2006. 592 с.
38. Зверев В. «Город ожил, совет бежал, появилась новая власть...». Выписки из дневника // Сибирские огни. 2016. № 9. С. 155–179.
39. Ганин А., Новиков П., Хипхенов Г. «Я с броневиком иду в наступление...». Походные заметки русского офицера чехословацкого корпуса подполковника Б. Ф. Ушакова. Январь – июнь 1918 г. // Журнал российских и восточноевропейских исторических исследований. 2020. № 4. С. 226–267.
40. Кирмель Н. С., Хандорин В. Г. Карающий меч Колчака. – М.: Вече, 2015. – 317 с. [сайт]. – URL: https://royallib.com/read/kirmel_nikolay/karayushchiy_mech_admirala_kolchaka.html#0 (дата обращения: 6.05.2023).
41. Временное Сибирское правительство (26 мая – 3 ноября 1918 г.): сб. док-в и мат-в / сост. и науч. ред. В. И. Шишкин. Новосибирск: ИД «Сова», 2007. 818 с.
42. Балмасов С. С. Функционирование органов власти антибольшевистских правительств Сибири 1918–1920 гг. // Белая гвардия. 2001. № 5. С. 3–10.
43. Шекшеев А. П. Крестьянский бунт на территории Минусинской Сибири: хроника и анатомия событий (осень 1918 – весна 1919 г.) // Крестьянский протест в Сибири в годы революции и Гражданской войны: коллект. монография. Ишим: Изд-во ИПИ им. П. П. Ершова (филиал) ТюмГУ, 2018. С. 31–62.
44. Голуб П. В застенках Колчака. Колчаковский режим и народ [сайт]. – URL: <https://elibrary.com.ua/m/articles/view/> (дата обращения: 23.05.2023).
45. Попов Г. Н. Партизаны Заманья: Воспоминания политработника партизанской армии А. Д. Кравченко и П. Е. Щетинкина. Красноярск: Кн. изд-во, 1974. 199 с.
46. Шудляков В. А. Гибель Сибирского казачьего войска. 1917–1920. Кн. 1. М.: ЗАО «Центрполиграф», 2004. 748 с.
47. Колосов Е. Е. Сибирь при Колчаке. Воспоминания. Материалы. Документы. Птрг.: Былое, 1923. 190 с.
48. Енисейск в записках Михаила Прокопьевича Миндаровского. 1891–1935 гг.: науч. изд-е / ред.-сост. М. А. Лаптева, Н. В. Поздеева, А. В. Ульверт; вступ. ст. А. П. Дворецкая, Н. В. Поздеева. Красноярск: ООО «Изд-во «Поликор», 2019. 512 с.
49. Раков Д. Ф. В застенках Колчака. Голос из Сибири. Париж, 1920. 48 с.
50. Добровольский А. В. Социалисты-революционеры Сибири в конце 1917 – начале 1920 гг. Новосибирск: Наука, 1999. 142 с.
51. Перевалов М. Таежные партизаны. М.: Молодая гвардия, 1933. 71 с.
52. Шишкин В. И. Власть и население партизанских районов Сибири во время Гражданской войны // Гражданская война в России: жизнь в эпоху социальных экспериментов и военных испытаний... – С. 238 – 249.
53. Никитин А. Н. Государственность «белой» России: становление, эволюция, крушение (1918–1920 гг.): Автореф. дис... д-ра юридич. наук. М., 2007. 45 с.
54. Протоколы допроса адмирала А. В. Колчака чрезвычайной следственной комиссией в Иркутске 21 января – 7 февраля 1920 г. // Архив русской революции. № 9–10. М., 1991. С. 177–321.

55. Эйхе Г. Х. Опрокинутый тыл. М.: Воен. изд-во, 1966. 384 с.
56. Балмасов С. С. Отряды особого назначения и борьба против партизанского движения в Сибири колчаковских правительственных структур // Белая гвардия. 2002. № 6. С. 72–76.
57. Иванов Г. М. Тасеевская республика. 1918–1920 гг. Красноярск: Кн. изд-во, 1969. 100 с.
58. Яковенко В. Г. Записки партизана. Красноярск: Кн. изд-во, 1988. 157 с.
59. Журов Ю. В. Енисейское крестьянство в годы гражданской войны. Красноярск, 1972. 250 с.
60. Окунев Д. «Расправляться беспощадно»: за что убивали белогвардейцы [сайт]. – URL: https://www.gazeta.ru/science/2019/04/30_a_12329827.shtml (дата обращения: 23.05.2023).
61. Процесс над колчаковскими министрами. Май 1920 / отв. ред. В. И. Шишкин. М.: Междунар. фонд «Демократия», 2003. 672 с.
62. Шекшеев А. П. Дружины самообороны на территории Приенисейской Сибири // Отечественная история. 2008. № 2. С. 89–97.
63. Подлинные протоколы допросов адмирала А. В. Колчака и А. В. Тимиревой / С. В. Дроков // Отечественные архивы. 1994. № 6. С. 21–58.
64. Васильев Г. А. Трагедия военного городка // Человек и его среда. Мат-лы науч.-практ. конф. Красноярск: КГТА, 1997. С. 134–138.
65. Гергилева А. И., Гергилев Д. Н. Чехословацкий корпус и военнопленные Первой мировой войны в период Гражданской войны на территории Сибири (1918–1920 гг.) // Вестник Томского государственного университета. 2015. № 390. С. 109–116.
66. Шекшеев А. П. Енисейское казачество в переломную эпоху (1917–начало 1930-х гг.) // Хакасия в XX веке: язык, история, культура: Мат-лы второй межрег. науч. конф. 28 сент. 2007 г., г. Абакан. Абакан: Изд-во ХГУ им. Н. Ф. Катанова, 2007. С. 54–72.
67. Политическая история. Россия – СССР – Российская Федерация / ред. С. В. Кулешев. М.: Терра, 1996. Т. 2. 1370 с.
68. Стожко Д. К. Гражданская война как политический феномен (к 100-летию начала гражданской войны в России) // Век глобализации. 2018. № 4 (28). С. 125–136.
69. Мартынов Н. А. Красное коммунистическое антиправительственное движение против власти Верховного правителя адмирала Колчака в Енисейской губернии, начавшееся в ноябре 1918 года // Русская Атлантида. № 38. Челябинск, 2010. С. 4–15.